

Василий ГРИШАЕВ

УБИТЫЕ ДВАЖДЫ

Документальный очерк

ПАРТИЗАНСКИЙ НАЧДИВ

Иван Яковлевич Третьяк — один из героев гражданской войны на Алтае. Судьба его необычна даже для того бурного времени. Впрочем, необычна она была лишь вначале. Потом он разделил участь многих и многих...

Белорусский крестьянин-бедняк, участник революционных событий 1905 года, Третьяк, спасаясь от преследований полиции, эмигрировал в Германию, а оттуда — в Соединенные Штаты Америки, где прожил более десяти лет. В октябре 1918 года он с огромным трудом добрался до казачьей станицы Чарышской, куда к тому времени, похоронив мать, переехала семья — отец, два брата и сестра. (Старший брат Александр работал здесь учителем в станичной школе.)

Не только родственные чувства, но и страстное желание включиться в борьбу за новую жизнь заставили Ивана Третьяка вернуться в Россию. С началом партизанского движения он избирается командиром бригады, затем — дивизии, освободившей от колчаковцев почти всю территорию Горного Алтая. Выполнив боевую задачу, дивизия в марте—апреле 1920 года была расформирована, а Третьяк направлен в распоряжение Бийской уездной парторганизации. (В начале 1920 года он вступил в РКП(б).)

Какими судьбами человек пришлый, не знавший местности, военного дела, поначалу даже плохо говоривший по-русски, оказался во главе партизанского движения на глухой национальной окраине России? Это, конечно, не игра случая. Третьяк хорошо понимал думы и чаяния крестьянина, потому что он сам был им. В равной мере ему, бывшему каменотесу, слесарю, токарю в горные годы эмиграции, близки были настроения рабочих. Он лучше других знаком был и с революционной теорией. И, наконец, что не менее важно, Третьяк показал себя недюжинным организатором, умевшим, как никто, управлять

разнородной и переменчивой в настроениях крестьянской массой...

Все это, так сказать, видимая сторона луны в биографии партизанского начдива. Об этом с подробностями написано в целом ряде краеведческих работ. Но есть в его жизни и другая, невидимая, глубоко трагичная часть — это история преследований, ареста и гибели Третьяка. Рассказать об этом стало возможным лишь теперь.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ

В мае—июне 1920 года вспыхнули мятежи в Причумышье, Алейской степи. Возглавили их бывшие партизанские вожаки Рогов, Новоселов, Плотников. Главную их причину были, как я полагаю, ошибки и перегибы партийных и советских органов, пытавшихся «пахать вскачь», то есть строить новую жизнь ускоренными нажимными методами. Введенная в Сибири в июле 1920 года продразверстка, а особенно жестокие методы ее взимания подлили масла в огонь. Мятежи охватили значительные районы Алтая. Они продолжались до конца 1922 года. К их подавлению были привлечены значительные силы Красной Армии, а также части особого назначения (ЧОН), сформированные из сельских коммунистов.

Мятежи по составу участников были общекрестьянскими. Этот факт истории до недавних пор замалчивали (не по своей воле), предпочитая валить всю вину на анархистов, эсеров, «недобитых» колчаковцев и т. п. Конечно, без них не обошлось, но не они составляли главную силу «банд» (официальное название повстанческих отрядов).

В таких условиях отношение губернских и уездных властей к бывшим партизанским командирам было, мягко говоря, настроженным. Ведь что ни говори, а они — самые авторитетные люди в крестьянской среде!

Не был обойден вниманием и Третьяк. Сначала больного туберкулезом человека, нажившего эту болезнь, по всей вероятности, в партизанах, пытались выдворить в Белоруссию, и лишь вмешательство Сибревкома предотвратило эту постыдную акцию. Тогда руководство Алтайской губчека (а может, кто повыше), затеяло худшее. Начальнику Бийского политбюро (уездной Чека) Путэкле было приказано «без шума» ликвидировать Третьяка на том основании, что он якобы готовит заговор против советской власти.

Выполнение этого приказа было возложено на секретных сотрудников Бийского политбюро Власова и Петухова. Но те отказались быть убийцами.

— Если человек виноват, его надо судить, а не убивать из-за угла.

Власов доложил о полученном приказе следователю ревтрибунала Пешникову, тот немедленно выехал в Барнаул, в губком партии, а Петухов тем временем предупредил Третьяка.

Разразился скандал. Путэкле и начальник агентурного отделения Бийского политбюро были сняты с работы, Власов переведен в Красноярск, где вскоре умер от холеры, а Петухов уволен из органов.

О Власове мне, кроме фамилии, ничего не известно, о Петухове же Константине Моисеевиче удалось найти такие сведения: год рождения 1895-й, при Колчаке служил в милиции, в 1920—1928 годах состоял в рядах ВКП(б), откуда был исключен за антисемитизм и бытовое разложение. Портрет, как видим, далек от идеала, но его мужественный и благородный поступок достоин глубокого уважения.

После попытки выселения Третьяка в Белоруссию и неудачи с покушением, его оставили, наконец, в покое. Более того, внешне ему, как активному борцу за власть Советов на Алтае, были оказаны почет и уважение. Бийский горисполком подарил Третьяку добротный деревянный дом в хорошем, спокойном месте, на берегу Бии. Третьяк неоднократно избирался членом бюро уездного комитета РКП(б), членом уисполкома. Но в 1923 году, в связи с обострением болезни (а может, и под предлогом болезни) был освобожден от всех постов.

Последующие пять лет Иван Яковлевич упорно лечится в больницах, санаториях, летом — на пасеке у знакомого пчеловода в Старо-Бардинском (ныне Красногорском) районе.

Едва отступает болезнь, он возвращается к активной общественной деятельности.

В 1928 году за выдающиеся заслуги в борьбе за власть Советов Третьяк был награжден орденом Красного Знамени.

В 1933 году в Новосибирске вышла его книга «Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году». (В 1960 году она переиздана в Барнауле.)

Иван Яковлевич и в Бийске, и в поездках по Горному Алтаю часто встречается с боевыми соратниками. Они не только предаются воспоминаниям о славном боевом прошлом. Их не меньше волнует день наступающий, то, что делается на селе

в связи с раскулачиванием, насильственной коллективизацией, разрушением храмов, гонениями на старые добрые обычаи, все усиливающейся волной необоснованных арестов, охотой за шпионами и «врагами народа». Где же та свобода, за которую столько людей головы сложили?..

Это были речи и встречи не заговорщиков, не злопыхателей, а людей, искренне болевших за судьбу страны, за ту великую мечту о светлом будущем, ради которой уже столько жертв и лишений перенесено.

Отводя душу в таких разговорах, они, возможно, не сразу осознали, какую беду накликают на свои соседские головы. Наступило время, когда за малейшее сомнение в правильности политики партии и правительства, не говоря уже о Сталине, могли упечь, куда Макар телят не гонял...

Иван Третьяк был обречен задолго до ареста. Еще в 1932 году органы ОГПУ «вскрыли», а точнее сказать — придумали контрреволюционную повстанческую организацию в Бийском, Солонешенском, Быстро-Истокском районах. К уголовной ответственности было привлечено 111 человек. И некоторые из них «признались» на допросах, что в создании этой организации принимал участие Третьяк. (Как выбивались подобные «признания», мы теперь не читались и заслушали в досталь.)

Может, кому-то покажется странным, что Третьяка тогда не тронули. Даже не допросили! Однако ничего странного в этом нет. Метод работы органов был такой: заканчивая «следствие» по одному сфабрикованному ими заговору, они делали как бы заготовки для следующего. Подобной заготовкой и были показания на Третьяка. Впрочем, когда его арестовали, эта заготовка не была пущена в ход. Придумали другое.

Не вызывает сомнения, что Третьяк с начала двадцатых годов находился «под колпаком» у органов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Контролировались его знакомства, выступления, переписка, просматривалась под лупой вся его прошлая жизнь. Исподволь накапливался, а больше искусственным путем создавался компромат. Так, арестованный в конце 1936 года бывший командир Томской партизанской дивизии В. П. Шевелев-Лубков на допросе «признался», что якобы от Вегмана слышал, что в руководство военной организации Сибирского троцкистского центра входят Третьяк и Р. П. Захаров, бывший помощник главкома партизанской армии Е. М. Мамонтова. И Захаров после ареста тоже «признался», что слышал от Вегмана об участии Третьяка в подпольной военной организации вышеупомянутого центра.

Позже, в ходе реабилитации, было неопровержимо доказано, что этот центр полностью сфальсифицирован органами. Он им понадобился для массового уничтожения людей, причисленных к троцкистам. И ссылки на показания Вегмана тоже были ложными. Арестованный 29 июня 1936 года, он скончался в тюрьме 10 августа. В протоколах его допросов ни Шевелев-Лубков, ни Захаров, ни Третьяк даже не упомянуты. Но кто в ту пору мог уличить следователей НКВД во лжи?..

РОДИОН ЗАХАРОВ

Зажиточный крестьянин из села Боровского (ныне Алейского района), он после белочешского контрреволюционного переворота стал активным участником подполья, а позже — Зиминского восстания. Когда зиминцы соединились с отрядом Мамонтова, Захаров был избран помощником главнокомандующего, затем — командиром дивизии.

В 1920 году во главе коммунистического отряда участвовал в подавлении мятежа Плотникова, бывшего комиссара 1-го полка своей дивизии. Холодным и дождливым днем 20 октября отряд Захарова, прочесывая лес в районе села Песчаного Парфеновской волости, обнаружил в охотничьей избушке группу вооруженных людей. В одном из них, заросшем до глаз черной бородой, был опознан Плотников. Здесь же оказался и его ближайший помощник Смолин. Пытаясь спастись, они бросились в ледяную воду озера, но были выловлены и обезглавлены. Была ли надобность в этом акте вандализма, да еще по отношению к бывшему боевому соратнику?..

Эта взаимная жестокость, порожденная революцией и гражданской войной, получила страшное продолжение в последующие годы.

В 1928 году Захаров в числе других активных участников борьбы за власть Советов на Алтае был награжден орденом Красного Знамени.

До конца 1930 года он жил в Барнауле, работал директором овчинно-меховой фабрики, неоднократно избирался членом Барнаульского горсовета, горрайкома ВКП(б), губисполкома, окрисполкома, словом, был в почете и отличии. Затем его перевели в Новосибирск на должность управляющего краевой весоремонтной мастерской.

5 февраля 1937 года он был арестован по обвинению в том, что состоял членом контрреволюционного партизанского повстанческого штаба Сибирского троцкистского центра. Сверх того, его причислили к «бывшим кулакам».

Захарову было уже 57 лет. О его здоровье можно судить по заключению тюремного врача, которого трудно заподозрить в избытке милосердия: «Негоден к труду». И тем не менее этот пожилой, «негодный к труду» человек больше двух месяцев выдерживал натиск следователей, буквально выбивавших из него нужные им «признания». Лишь 15 апреля вконец измученный Захаров передал из камеры заявление следователю Постоногову: «Признаю себя виновным и желаю дать показания».

Допрос состоялся на следующий день. «Начиная с марта, — говорится в протоколе, — на всех допросах я старался скрыть правду от следствия, но сейчас убедился, что это бесполезно...»

Обратите внимание на слово «всех», ибо в деле имеется лишь протокол первого и единственного допроса. Он датирован мартом (число не указано). Вот его содержание.

«Вопрос: Вы являетесь участником контрреволюционной организации — Сибирского троцкистского центра?

Ответ: Ни в какой организации я не состоял и по этому вопросу показать ничего не могу.

Вопрос: На вас показали Вегман и Суемский.

Ответ: Никогда с Вегманом о контрреволюционной работе не говорил, а Суемцкого не знаю совершенно».

У меня не вызывает сомнения правдивость ответов. Но следователи они не устраивали. По заведенному обычаю дальнейшая «обработка» арестованного велась без протоколов — пока не признается. И вот, читаем:

«Моя вина доказана, а поэтому я решил давать откровенные показания».

Как доказана? Чем доказана? Где хоть одна достоверная улика? А в ней нужды не было. Для доказательства вины обвиняемого тогда, как известно, вполне достаточно было лишь его признания, то есть подписи под протоколом. И все нужные «признания» следователь заранее отпечатал на машинке. Вот они: «В подпольную организацию был вовлечен в 1932 году Вегманом... Со слов Вегмана, в состав партизанского штаба входили Шевелев-Лубков, Третьяк... Мне было поручено формирование контрреволюционных повстанческих организаций в Новосибирске и Барнауле... Вегман сообщил, что эту задачу в Бийске и Горном Алтае выполняет Третьяк...»

В декабре 1936 года, будучи в командировке в Бийске, я заходил к Третьяку; тот сказал, что создал крупную группу из бывших командиров его дивизии, с помощью которой ему удалось сформировать ряд повстанческих ячеек...»

Вот так, со дна чернильницы, добывались улики на обвиняемых: Захаров «изобличал» Третьяка, Третьяк — Захарова...

«Виновным себя признал полностью», — читаем в обвинительном заключении по делу Захарова...

29 июля 1937 года «тройкой» управления НКВД по Западно-Сибирскому краю Родион Петрович Захаров был приговорен к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу.

Социальной защиты... Слова-то какие!..

Приговор был приведен в исполнение в 23 часа 14 августа 1937 года.

В марте 1957 года Захаров был полностью реабилитирован посмертно «за отсутствием состава преступления».

ПИСЬМО КЛИМЕНТУ ВОРОШИЛОВУ

Через десять дней после ареста Захарова настал черед Третьяка. Поздним вечером 16 февраля 1937 года к его дому на тихой, уже спавшей Краснооктябрьской улице подъехал «черный ворон»...

По окончании обыска Третьяка и его жену Клавдию Николаевну отправили в Новосибирск, в дом предварительного заключения (ДПЗ) при краевом управлении НКВД. Дома, среди разбросанных, поломанных и порванных вещей, осталась лишь насмерть перепуганная одиннадцатилетняя их дочь Гая. Рассказывают, на другой

день директор школы самолично взял ее за руку и вывел из класса.

— Дочери врага народа не место в советской школе!..

О своей и дочкиной судьбе Клавдия Николаевна сама рассказала в письме Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову от 28 января 1957 года. Вот что в нем говорится:

«Я родилась в 1902 году в Москве, в семье рабочего-металлиста. Получила среднее медицинское образование. В 1918 году вступила в Красную гвардию и с санитарным поездом для раненых и больных красногвардейцев уехала в Омск (в Москве был голод). Но вернуться назад не пришлось: Колчак отрезал нас от Москвы. В Сибири у меня никого не было, я бежала от колчаковского застенка в Алтайские горы. Товарищи достали направление от Алтгубсоюза в Усть-Канское село, но трудилась я там не более двух недель. С приходом партизан вступила в их отряд, потом работала в медсанбате партизанской дивизии. В 1920 году вышла замуж за Ивана Яковлевича Третьяка. 16 февраля 1937 года нас с ним арестовали.

Меня допрашивали те, кто вместе с мужем участвовал в партийной и общественной работе, бывал у нас в гостях, словом, отлично знал нас и нашу жизнь. На меня это так подействовало, что я заболела.

Наша одиннадцатилетняя дочь Галя была в это время брошена на произвол судьбы. Ее исключили из 5-го класса, она потеряла год.

Через три месяца меня освободили, но жить в Бийске не разрешили, отправили с дочерью на родину, в Москву, а дом наш занял начальник милиции.

В Москве у матери была одна комната, нас она не пустила, и я вынуждена была снять частную квартиру.

С началом Великой Отечественной войны я в 40 лет добровольно ушла на фронт медсестрой. И дочери сказала:

— Галя, твоя мать в 16 лет пошла воевать за Советскую власть. Иди и ты защищать Родину!

И она ушла. Тоже медсестрой. Лишь после войны вернулась в свой медтехникум, где раньше училась...»

Вот такие они были, жена и дочь «врага народа». Их обеих уже нет в живых. Спасая жизнь раненым, они, может быть, укоротили свою. Да и 37-й год не прошел для них без следа...

«ПРИЗНАНИЯ» ТРЕТЬЯКА

В справке сказано:

«В процессе следствия по делу ликвидированного в Западно-Сибирском крае партизанского повстанческого штаба, созданного Сибирским троцкистским центром, установлено, что в состав членов штаба входил Третьяк Иван Яковлевич, который по директивам Сибирского троцкистского центра через Вегмана формировал в Бийске и районах Алтая контрреволюционную повстанческую организацию, вовлекая бывших партизан...»

Эта справка, где правды нет и в помине, составлена и подписана, между прочим, начальником отдела управления НКВД по Западно-Сибирскому краю старшим лейтенантом госбезопасности Серафимом Поповым. Даже на фоне того состава органов это была одна из самых зловещих фигур. В сентябре 1937 года, с образованием Алтайского края, он был назначен начальником краевого управления НКВД и за два года (пока самого не расстреляли) успел погубить тысячи певинных людей...

А вот еще одна выдержка — из постановления следователя о принятии дела к производству:

«...Третьяк в Америке был завербован разведкой одного из иностранных государств и перебросен в Советскую Россию со спецзаданием. По прибытии на Алтай влился в партизанскую дивизию и позднее из кулацкого элемента и контрреволюционно настроенной части партизан создал япопо-военную организацию с задачей создания на Алтае буржуазно-демократического государства под протекторатом Японии».

Скажите, можно ли еще больше извратить, опоганить самые славные страницы биографии Третьяка?..

Вместе с Третьяком были арестованы его ближайшие боевые соратники: Зырянов Владимир Степанович — начальник штаба дивизии; Вязников Гавриил Романович — член штаба дивизии; Дудников-Борисов Константин Георгиевич — адъютант штаба 1-го полка; Лыжин Василий Максимович — командир 6-го полка; Лыжин Андрей Максимович, его брат, — командир партизанского эскадрона; Мунгалов-Мотин Василий Михайлович — партизан 2-го полка; Табанакوف Афанасий Андреевич — председатель следственной комиссии (партизанской контрразведки) дивизии.

Судьба их после войны сложилась поразному, но все они были в общем-то на руководящих должностях, состояли в партии и активно участвовали в строительстве той новой жизни, за которую воевали.

Вместе с ними подверглись аресту и не причастные к партизанскому движению: Алексеев-Кулеш Антон Иванович, начальник эпидемического отряда на севере Киргизии; Лихтарович Константин Андреевич, бывший начальник Бийской милиции; Закамалдин Василий Алексеевич, до 1935 года работавший кучером в японском консульстве в Новосибирске и служивший якобы связным между Третьяком и консулом.

6 декабря 1936 года органы добрались, наконец, до бывшего бийского чекиста, спасшего жизнь Третьяку — Пастухова Константина Моисеевича. Он работал в это время уполномоченным «Золото-продснаба» в Солонешенском районе.

Выше уже говорилось, что Иван Яковлевич около пяти лет лечился от туберкулеза. Но, видимо, до конца одолеть эту болезнь не смог. В акте медосвидетельствования, составленном через три недели после ареста, говорится: «...Жалобы на одышку, кашель, колотье в правом боку; дыхание ослабленное, хрипы в нижних долях правого легкого, миокардит, начинаю-

щаяся эмфизема; общее ожирение, склероз сосудов».

Это заключение подтверждается и фотографией Третьяка, сделанной в тюрьме. С нее вяло, обреченно смотрит обрюзгший полный человек с угасшим взглядом, по виду значительно старше своих 53-х лет. В нем трудно узнать богатыря, когда-то водившего в бой горно-алтайских партизан...

Если судить по протоколу, Третьяк признал себя виновным уже на первом допросе, состоявшемся 10 марта, через 22 дня после ареста. Но, думаю, точнее будет сказать так: 22 дня понадобилось следователям, чтобы принудить его подписать протокол с признательными показаниями. Он состоит всего из одного вопроса и ответа на него. Вот их текст:

«Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что с 1918 года состоите в контрреволюционной организации, действовавшей по заданию японской разведки.

Ответ: Я признаю, что действительно состоял членом контрреволюционной организации, которая по заданию японцев готовила контрреволюционное выступление против Советского Союза во время будущей войны с Японией. По этому вопросу я дам подробные и чистосердечные показания».

Вопрос (собственно, не вопрос, а утверждение) и ответ написаны зелеными чернилами, а остальное — фиолетовыми. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы разгадать, почему так. Вопрос и ответ следователь с редкой фамилией Голубчик подготовил заранее, возможно, даже согласовав с начальством, а когда уломал Третьяка, быстренько дописал остальное, но уже другими чернилами: зеленым под рукой не оказалось. Голубчик так торопился, что не указал, вопреки правилам, даже анкетные данные допрашиваемого.

Такова моя версия появления двухцветного протокола.

Дальше пошло легче: Третьяк был сломен. Остальные протоколы заранее отпечатаны на машинке и откорректированы начальством. Таков был «порядок». Не верите? Тогда послушайте, что показал спустя два года на следствии Иван Лазарев, дважды проводивший допрос Третьяка (один раз совместно с Голубчиком).

«...Составление протоколов допросов допускалось в отсутствие обвиняемых. Сначала составлялся черновик, затем он подвергался корректировке, после чего перепечатывался на машинке. Эта система (система! — В. Г.) давала богатую возможность следователям добавлять в протокол вымышленный материал...»

Яснее не скажешь!

А вот еще откровения следователя Александра Черных, также принимавшего участие в допросах ряда лиц по «делу Третьяка»:

«...Обвиняемых брали измором. Для увеличения количества сознавшихся Лазарев (он был каким-то небольшим начальником. — В. Г.), Крючков, Попов давали указание о широком использовании камерной обработки арестованных. В этих целях в специальных камерах сидели бывшие

агенты НКВД, арестованные за различные контрреволюционные преступления. Они пропускали (за обещание сохранить жизнь. — В. Г.) через себя арестованных, призывая их признаться и дать показания».

Черных рассказал лишь об одном способе выбивания «признаний». А ведь было их много-ого! Кто теперь не слышал, не читал о многодневных **выстояках**, ледяных карцерах, мориловках у раскаленной печи (арестованного одевали в шубу и валенки), жестоких избиваниях, ставших обычным делом на допросах, держании по нескольку суток без сна и еды и т. д., и т. п.?

Через какие из этих пыток прошел Третьяк?..

И не надо удивляться, а тем более осуждать, когда самые стойкие, самые закаленные подписывали протоколы с чудовищнейшими обвинениями и в свой, и в чужой адрес, подписывали не читая!..

Подписал такие протоколы и Третьяк. В чем же он «признался»?

«...В июле 1918 года я, Петров и Сергеев (русские эмигранты, товарищи Третьяка. — В. Г.) в Сан-Франциско, в ресторане, познакомились с американским гражданином Ричардом (такой и фамилии-то у американцев, по-моему, нет — есть Ричардсон. — В. Г.)... Он спросил, почему мы не едем в Россию. Мы ответили: «Не на что». Ричардон заявил, что у него есть товарищ, который нам поможет. В следующее воскресенье, в том же ресторане он познакомил нас с японцем. Японец предложил нам составить список желающих выехать. Мы составили таковой на 18 человек... Взяв его, японец выдал нам две тысячи долларов, потребовав расписку...»

Угадываете дальнейшее? Так Третьяк (по версии ЧК. — В. Г.) оказался в сетях японской разведки...

В Июкогаме, где пароход стоял десять дней, к нему в гостиницу якобы ежедневно приходил японский офицер. Узнав, что родственники Третьяка обосновались на Алтае, он познакомил его с обстановкой в этом крае, в частности сказал, что «на территории Сибири и Дальнего Востока надо создать самостоятельное государство под протекторатом Японии, и если Третьяк поможет в этом, он будет хорошо обеспечен...»

Третьяк, разумеется, согласился. По совету японского офицера, он, проезжая через Маньчжурию, встретился во второй половине августа с атаманом Семеновым. Семенов дал ему указание создать на Алтае партизанский отряд под лозунгом борьбы за Советскую власть, но «лозунг этот использовать умело, Советскую власть не создавать». Предупредил, чтобы Третьяк не вступал в драку с отрядом Кайгородова.

Отряда Кайгородова в то время не было и в помине, он появился год спустя. Драматурги из НКВД слабовато знали историю, а скорее всего, намеренно искажали факты.

Дальнейшие действия Третьяка трактуются так. Прибыв на Алтай, он, во исполнение указаний атамана Семенова, создал партизанский отряд, выросший вскоре в дивизию, а в дивизии — подпольную

контрреволюционную группу из ближайших помощников-единомышленников (перечислены в основном лица, названные выше в числе арестованных).

«Я рассказал им о своих связях с японской разведкой, с атаманом Семсповым. Всех расставил на командных должностях».

Известно, что при наступлении на Чуйский тракт горноалтайским партизанам не удалось полностью уничтожить находившийся там отряд прапорщика Кайгородова: опоздал, причем по уважительной причине, с выходом к паромной переправе через Катунь 3-й полк.

В «показаниях» Третьяка это выглядит так. Он хотел совсем уклониться от боя с Кайгородовым, но «основная масса партизан стремилась разбить его, поэтому на совещании подпольной контрреволюционной группы мы решили не навлекать подозрений отказом от борьбы с Кайгородовым и дать ему возможность как можно лучше сохраниться и уйти обратно в Монголию...»

Кайгородов прибыл на Чуйский тракт не из Монголии и уходит туда в тот раз не собиравшись. Это он сделал позднее, уже после расформирования дивизии Третьяка.

Тяжело и больно читать этот гнусный бред. А каково было Третьяку его подписывать?..

Оболгано было не только его партизанское прошлое.

«В 1921 году, — читаем в «признании», — я увязал кулацкий лжепартизанский отряд Рогова с японцами».

Это уж совсем ни в какие ворота!

Отряд Рогова был разоружен еще в декабре 1919 года. Вероятно, в вину Третьяку поставлен мятеж, поднятый Роговым и Новоселовым в начале мая 1920 года. Но и тот их отряд был разбит уже в июне, а сам Рогов застрелился 3 июля.

Но кто же так бессовестно передергивал даты и факты?

Позвольте представить: начальник управления НКВД по Западнo-Сибирскому краю комиссар госбезопасности 3-го ранга Миронов и заместитель начальника отдела того же управления Голубчик. Именно их подписи стоят под протоколом с вышеприведенными «показаниями» Третьяка.

В одном лишь он оказался непреклонен: категорически отказался подтвердить очередную ложь о том, что его жена Клавдия Николаевна, работавшая фельдшером в партизанском лазарете его дивизии, умертвила раненого командира 2-го полка П. Д. Кокорина.

Кто знает, может, угрозой расправы с женой и дочерью вынудили Третьяка дать «признательные показания»?..

Но отвлечемся пока от них.

В ОДНОЙ ЛИШЬ СЕМЬЕ...

В Барнауле мне довелось встретиться с Евдокией Васильевной Васильевской, дочерью бывшего командира 6-го полка Лыжина Василия Максимовича. Считаю нелишним привести здесь ее горестный рассказ.

— В семье нас было пятеро: папа,

мама, двое младших братишек и я. Жили мы в Ойрот-Туре, папа работал заместителем управляющего Сибторга. 16 февраля 1937 года его арестовал Яков Пасынков, лейтенант госбезопасности, бывший партизан. Он сорвал с папиной гимнастерки орден Красного Знамени. На замечание папы, что орден у него может отобрать только ВЦИК, Пасынков ответил бранью.

Маму с двумя детьми на другой же день выселили в полуподвальное, сырое, не пригодное для жилья помещение на краю города. Я в то время учился в Томском стоматологическом институте и до апреля не знала, что папа арестован. Мама боялась сообщать мне об этом — вдруг брошу учебу.

В одно время с папой в Бийске был арестован его младший брат Андрей, тоже бывший партизан, инвалид (без правой руки); он работал комендантом управления Чуйского воссозданного тракта. Их обоих сразу отправили в Новосибирск.

А в апреле арестовали и старшего брата, Егора, колхозника из Малой Черги. Их мать Мария Алексеевна ослепла от слез и вскоре умерла. Хорошо, хоть отец Максим Лактионович не дожид до этих страшных дней — он умер еще в 1932 году...

Это была дружная, честная, работающая семья, всем на зависть. И вот ничего не осталось...

Хлебнули горя и мы...

У Пасынкова в прислугах жила одна учительница (к стыду своему, забыла ее имя). Мужа этой учительницы арестовали, ее уволили с работы, вот и пришлось идти в домработницы. Она рассказывала, как Пасынков в кругу друзей, за бутылкой, похвалялся:

— Не я буду, если не пересажаю всех партизан!

А ведь сам был партизаном у Третьяка!..

В августе тридцать седьмого жены арестованных вскладчину отправили учительницу, домработницу Пасынкова, в Москву, к Калининну, искать правды. Но к Калининну ее не допустили, она вернулась ни с чем...

После ареста отца я жила на одну стипендию, да еще умудрялась как-то посылать братишкам маленькие подарки к праздникам, чтобы хоть немного скрасить их жизнь. С того дня, как узнала об аресте папы, каждую ночь плакала в подушку, чтобы подруги по общежитию не услышали. Сболтнут ненароком и — прощай институт, прощай комсомол! Комсомольским билетом очень дорожила. Теперешней молодежи это, наверное, смешным покажется...

В мае получила письмо от отца из Новосибирска, из КПЗ (камера предварительного заключения). Он просил, чтобы я по дороге домой, на каникулы, заехала к нему. Письмо это, как после узнала, помог отправить сотрудник краевого управления НКВД, младший лейтенант госбезопасности Тарасов Георгий Андреевич, старый папин товарищ. Они вместе партизанили, вместе вступили в партию в 1920 году.

Лишь на третий день, и то благодаря помощи Георгия Андреевича, удалось мне

получить свидание с папой. Я с трудом узнала его. Он стал совершенно седой (в сорок три-то года!), отекий, голова дрожала...

На свидании присутствовал Тарасов. Я спросила его, хотя и знала, что это не разрешалось, за что арестовали папу.

— Я и сам не знаю, — ответил он. — Говорят, как японского шпиона, троцкиста. Но никакой вины за ним нет. Думаю, самое большее через месяц его освободят, так что спокойно езжай домой. И не вздумай бросать учебу!

Когда свидание закончилось, я взяла отца за руку.

— Папа, пойдем со мной!

Отец грустно улыбнулся, на глаза его навернулись слезы.

— Нет, дочь, мне еще сюда.

Больше я его не видела...

Отец очень любил нас, никогда не наказывал. Любил маму. И мы любили его за доброту, справедливость. У отца было много друзей, особенно среди бывших партизан. Не помню дня, чтобы кто-нибудь не зашел, не заехал к нам. Изредка бывал и Третьяк с женой. Любому человеку, попавшему в беду, отец готов был последнюю рубашку отдать. А мы и сами жили небогато. Занимали казенный домик, состоявший из комнаты и кухни. В комнате стояли две железные кровати, на кухне — деревянная, сделанная топором. Еще был большой стол, на стене — шкафчик с посудой, вдоль стен — лавки. Вот и вся обстановка. С квартирами нынешних начальников не сравнишь. Когда явился Пасынков описывать имущество, у нас и описывать оказалось нечего.

Отец все время был занят работой, партийными поручениями; мама, хоть и неграмотная, старалась не отставать от него — была делегаткой, не пропускала ни одного собрания, ходила в кожаной куртке и красной косынке. Она была очень красивой...

...Мама чуть не каждый день ходила в НКВД узнавать о папе. Ее гнали оттуда чуть не в шею. Проплакавшись, она снова шла, пока не пригрозили: «Будешь надоедать — и тебя заберем!»

Пережили мы и то, что некоторые из друзей и знакомых при встрече отводили глаза или переходили на другую сторону улицы. Смотреть на это было больно и стыдно. К счастью, таких было немного.

Прошел месяц. О папе — ни слуху ни духу. В июле мама и тетя Таня (жена папиного брата Андрея Максимовича) поехали в Новосибирск. Арестованных перевели уже в тюрьму за город. Маме получить свидание с папой помог опять Георгий Андреевич Тарасов. А тете Тане свидания не разрешили. Папа сказал, что Андрей болен...

Маме не удалось узнать, когда освободят папу.

Когда в августе я поехала в Томск, в институт, меня нагрузили большойшей передачей для него и дяди Андрея: собрали теплую одежду, продукты. Еле дотащила все это до тюрьмы. Пришла, а там — боже мой! — километровая очередь в три ряда!..

Лишь к вечеру продвинулись к око-

шечку. Тот, кто сидел там, грубо спросил (с родственниками «врагов народа» они вежливо не разговаривали):

— Ты к кому?

— К Лыжину Василию Максимовичу.

Тот пошуршал списком, буркнул:

— Нет такого.

— Тогда к Лыжину Андрею Максимовичу.

— И его нет.

— А можно к Зырянову Владимиру Степановичу?

— Он тебе кто?

— Мамин брат.

Соврала. Был это папин друг, бывший партизан.

— Его тоже нет.

— Где же все они?

— Не знаю. Следующий!..

Переночевала я на вокзале, утром пошла в КПЗ. Выстояла очередь к окошечку. Оттуда грубо ответили:

— Они в тюрьме.

— Я вчера там была.

— Тогда не знаем.

Пыталась попасть к Тарасову, но меня прогнали. Так ни с чем и вернулась в институт. Здесь меня исключили из комсомола. Требовали отречься от отца, но я ответила:

— Делайте со мной, что хотите, от папы я не отрекусь! Он самый честный, самый преданный Родине и партии человек! Не верю в его виновность!

За такой ответ меня хотели выгнать из института, но вступился секретарь парткома, спасибо ему.

Маме лишь через год удалось устроиться прачкой в дизентерийное отделение горбольницы. Стирать приходилось вручную. От адской ли этой работы, от полуподвала ли, где они по-прежнему жили, она заболела туберкулезом легких. От верной смерти ее спас отец, мой дедушка, спас народным средством — мясом щенят...

По окончании института меня, как дочь врага народа, распределили на Хатангу, на Таймырский полуостров. Забрала туда маму, братишек, и прожили мы там десять лет, в том числе всю войну. Я заведовала больницей, лечила зубы. В рот к больным со свечой лазила: у нас даже в полярную ночь керосину не было.

В больнице была еще одна врач. Както разговорились мы с ней по душам, и она призналась, что ей велено следить за мной и доносить, если что заметит или услышит. Тогда и я открылась ей, что имею такое же задание. Так вот и жили...

Куда только ни посылала я запросы об отце, но все они оставались без ответа. Лишь в 1956 году в ответ на очередной запрос пришла справка из Горно-Алтайского областного архива ЗАГС. В ней говорилось, что отец умер от перитонита 7 августа 1942 года.

Наконец в октябре 1957 года получили мы справку в том, что постановление «тройки» при управлении НКВД Западно-Сибирского края от 29 июля 1937 года в отношении отца отменено за отсутствием состава преступления, и он полностью реабилитирован посмертно. Только тогда мы

узнали, когда состоялся суд над ним, кто проходил по этому делу.

Очевидно, в августе тридцать седьмого, когда я ходила с передачей в тюрьму, потом обивала пороги в КПЗ, их никого уже не было в живых, и мне просто ввали там и там... Врал и архив ЗАГС, хотя не по своей вине. Так до сих пор и не знаю точной даты гибели отца и где зарыты его косточки... Боже, как это все бесчеловечно!..

Братья мои умерли рано: Михаил в 49 лет, Николай — в 43. Он вернулся с фронта весь израненный, но не только война сократила его жизнь. Не дожила своего века и мама. И я здоровье потеряла не только на работе. У меня уже был инфаркт, два инсульта — все болезни долго перечислять. У всех нас жизнь покалеченная...

Вот вам, читатель, обыкновенная, так сказать, история одной лишь семьи. А сколько таких семей пострадало по «делу Третьяка»? А по другим «делам»?..

А ведь история эта — не самая страшная.

Одну лишь поправку надо сделать в рассказе Евдокии Васильевны. Напрасно хвалила она Тарасова, а я по неведению подлакивал. Лишь недавно удалось мне узнать, что подписи Тарасова стоят под протоколами допросов Василия Лыжина, Зырянова, Табанакова. Когда в 1957 году, в ходе реабилитации Третьяка и других, его самого допросили, он вот что показал:

«Обвиняемый Лыжин (Василий. — В. Г.) мной не допрашивался. Протокол допроса был написан в отсутствие обвиняемого. Этот протокол полностью сфальсифицирован. Он был написан мной, корректировался руководством отдела, а затем путем извращенных методов ведения следствия принудили его подписать, не читая этого протокола...»

О том, кто принудил и как принудил, Тарасов умалчивает.

Еще несколько слов о Пасынкове. На его совести не только арест Василия Лыжина. Бывший заведующий партийным архивом Алтайского крайкома КПСС В. С. Усатых в статье «Начдив Третьяк» (журнал «Диалог», № 3, 1990) приводит такую выдержку из «официального», как он выразился, документа:

«Пасынков принимал активное участие по одному из крупнейших дел по обвинению... бывших красных партизан Алткрая и Горно-Алтайской автономной области. По этому делу Пасынковым допрошен 51 обвиняемый, из них 23 человека осуждены к высшей мере наказания. О причастности Пасынкова к делу Третьяка свидетельствует тот факт, что постановление на арест обвиняемого Лыжина Василия Максимовича выносилось им...»

В дивизии Третьяка Пасынков появился лишь 10 ноября 1919 года, то есть к шапочному разбору. В боях не участвовал. Был назначен секретарем агитсовета — органа, занимавшегося созданием ревкомов в освобожденных селах и агита-

ционно-разъяснительной работой. Когда — не без его помощи — было уничтожено почти все командование дивизии, стал выдавать себя за комиссара политотдела, хотя такой должности в дивизии не было; часто выступал с обширными воспоминаниями, устными и письменными, всячески принижая роль истинных партизанских вожаков и беспардонно выпячивая свою. Опровергнуть его было некому, да и рискованно: стал он за верную службу полковником госбезопасности.

Пасынков щедро снабдил своими «воспоминаниями» и литературно-художественными поделками автобиографического характера Алтайский краевой партархив. Их здесь в общей сложности 743 листа. Правда, потом, когда началась реабилитация горноалтайских партизан, он пытался забрать свои сочинения, но ему их не отдали: пусть хранятся для истории...

ОНИ БОРОЛИСЫ

Третьяк и его боевые соратники были несомненно людьми мужественными и стойкими; следователям, надо полагать, стоило немалых трудов сломать их. Всех подробностей этой трагической борьбы мы уже нигде не узнаем, но кое-что можно прочитать между строк «липовых» протоколов.

О чем в них говорилось?

27 июля, на последнем допросе (его проводил Лазарев), Третьяк «дал показания» о созданных им повстанческих военных формированиях в ряде районов Алтая. (Слова «дал показания» сознательно беру в кавычки, ибо ничуть не сомневаюсь, что они — плод фантазии Лазарева). Протокол этот он, следуя заведенному «порядку», заранее сочинил и отпечатал на машинке, а затем просто принудил Третьяка подписать его.

Вот некоторые выдержки из этих «показаний»:

«Территорию Алтая я разбил на ряд округов, в каждом создал сотню или полк, которые объединил в кавалерийскую дивизию казачьего типа. Организация таких сотен проведена в Бийском, Смоленском, Барщелакском, Солонешенском, Алтайском, Грязнухинском районах, Ойрот-Туре, Майминском, Чойском и других аймаках. В Усть-Коксинском аймаке я решил сформировать полк, в Шебалинском и Онгудайском — сводный отряд...»

Командование дивизией взял на себя, помощником назначил Мунгалова-Мотина, начальником штаба — Вязникова, членами штаба — Дудникова и Табанакова; последний возглавил контрразведку, сотрудниками которой были Петухов, Лихтарович, Лыжин Андрей...»

В числе командиров сотен Третьяк «назвал» Лыжина Василия и бывшего адъютанта своего штаба Кудрявцева Василия Никаноровича; начальником сводного отряда был назван Зырянов Владимир.

«Показания» эти оформлены, похоже, задним числом, для проформы, ибо залогом до них во всех указанных районах и аймаках прошли массовые аресты «участ-

ников» повстанческих сотен, полков, а также их командиров.

Следователи НКВД на сей раз, вопреки обыкновению, кроме «чистосердечных признаний» обвиняемых представили даже вещественное доказательство существования повстанческой подпольной организации. Вот фотография, отображающая гору охотничьих ружей, 1845 штук, якобы изъятых чекистами у членов подпольных формирований!

Позже, в ходе реабилитации, без труда выяснилось, что эти ружья были не изъятые, а еще в феврале—марте добровольно сданы населением по приказу властей. Но кто посмел бы в то время, будь он даже о двух головах, уличить всемогущие органы в обмане? Да и кто знал, кроме узкого круга исполнителей, как делались подобные «заговоры»?

Коротко остановимся на показаниях других членов «японо-воспной» (Бог мой, до чего пелопое название!) организации. Если верить протоколам, то В. М. Лыжин, В. М. Мунгалов-Мотин, А. И. Алексеев-Кулеш и К. Г. Дудников дали признательные показания на первом же допросе. Только не хочется верить этим протоколам, ибо под ними стоят подписи Голубчика, Лазарева, Черных и прочих заплочных дел мастеров.

Наводит на сомнение и другое обстоятельство. Василий Лыжин дал признательные показания через 21 день после ареста, Мунгалов-Мотин — через 33, Алексеев-Кулеш — через 35, Дудников — через два с половиной месяца! Вряд ли все это время они спокойно посиживали в камерах в ожидании вызова на допрос. Вероятнее, на мой взгляд, другое: с ними поступили так же, как с Третьяком, — тиранили, пытали на допросах до тех пор, пока не добивались признательных показаний. Вспомните, каким предстал перед дочерью Василий Лыжин!..

Но нет правил без исключений. Зырянов не признал себя виновным на двух допросах, 19 февраля и 7 апреля (их протоколы написаны от руки). Однако через день, 9 апреля, без предъявления каких-либо улик дал развернутые «признательные» показания (отпечатанные на машинке). Вывод один: кончились силы.

Примерно так же получилось и с Вязниковым. Он категорически отрицал свою вину и на допросе 9 апреля, и на очной ставке с Третьяком 18 апреля. А на следующий день, 19 апреля, признался во всем!..

Наиболее стойкими оказались одноручный инвалид Лыжин Андрей и бывший пачальник бийской милиции Лихтарович. Лыжина допрашивали (излишне говорить: с пристрастием) четырежды. Лихтаровича — дважды, но они так и не признали себя виновными. К сожалению, это их не спасло.

Помните, читатель, как в июле, на свидании с женой, на ее вопрос: что с Андреем, он ответил, что Андрей болен? Не болен он был, наверно, а отлеживался после побоев или в карцере сидел.

Как видим, все они мужественно боролись, сколько могли, за правду, за свою

честь и достоинство. Только силы оказались неравными...

Само собой разумеется, что их «показания» совпадают с «показаниями» Третьяка (авторы-то протоколов одни и те же). Добавлены лишь некоторые детали. Так, Мунгалов-Мотин, бывший партизан 2-го полка, «признался», что с 1913 года состоял в партии эсеров и был, кроме того, агентом германской разведки.

В ходе реабилитации выяснилось, что Мунгалов-Мотин ни эсером, ни германским шпионом отродясь не был.

Совесть его была чиста перед советской властью. В дни белочешского переворота Мунгалов, будучи председателем Курганского уездного земельного комитета, принял участие в боях и, видимо, так себя показал, что чехи, взяв его в плен, приговорили к повешению. Но, к счастью, дело с исполнением приговора затянулось, Мунгалов был переведен в Омский концлагерь, откуда сумел бежать и под именем Мотина Георгия Васильевича примкнул к горно-алтайским партизанам.

Затем — советская и хозяйственная работа, последняя должность — директор магазина льносыбыта в Свердловске. В 1925 году вступил в ряды ВКП(б), в других партиях не состоял, не привлекался, родственников за границей не имел, словом, обычная биография рядового борца за власть Советов.

Стоп! Что касаясь заграничные, было-таки в его биографии пятно, за которое органы НКВД ставили на спецучет. Еще до революции, работая в Союзе маслоартефелей, Мунгалов по поручению этого кооперативного объединения побывал в Англии, Дании, Германии, что и дало повод чекистам зачислить его в германские шпионы. Ну а к эсерам они пристегнули его уже безо всякого повода...

В чем же «чистосердечно признались» другие обвиняемые?

Вязников якобы вовлек в организацию почти все управление Чуйского военизированного тракта во главе с его начальником Николаем Витальевичем Вишневым.

Через Алексеева-Кулеша, санитарного врача, Третьяк будто бы поддерживал связь с атаманом Семеновым и одним из руководителей «блока алтайских националистов, японским шпионом» художником Г. И. Гуркиным (о нем — ниже).

Лихтарович, будучи начальником бийской милиции, сформировал, по заданию Третьяка, повстанческий отряд из бывших партизан.

Кучер японского консульства Закамалин тайно приезжал в Бийск для передачи Третьяку указаний консула. Но, думается мне, что Закамалин ликвидировали по другой причине: он был, как сказано в анкете, «из кулаков, бежал в Сибирь от коллективизации». Вполне возможно, что он тоже не признал себя виновным: подпись под его протоколом подделана (это подтверждено экспертизой в ходе реабилитации).

В заключение приведу «показания» Константина Петухова, бывшего бийского чекиста: «Третьяк через меня, Власова и Табанакова вел разведывательную работу

в ЧК (Бийском политбюро. — В. Г.). Будучи заведующим агентурным отделением (он им никогда не был. — В. Г.), я получал материалы о контрреволюционной деятельности Третьяка (это в двадцатом году! — В. Г.), но в ЧК их не передавал, а сообщал Третьяку...»

И здесь, как видите, ложь, ложь, ложь...

РОВОС

Дело фабрикации заговоров и подпольных контрреволюционных организаций в те страшные годы было поставлено в органах НКВД на конвейер. Они пеклись один за другим в каждом регионе, городе, заводе, колхозе. Сочинители «заговоров» для большего устрашения сплетали их в один чудовищный бредень, в который затягивались и гибли тысячи ни в чем неповинных людей.

Не стало исключением и «дело Третьяка». Его искусственно увязали с Сибирским троцкистским центром (о нем уже говорилось выше), «кадетско-монархической организацией Российского общевоинского союза (РОВОС)», «Блоком алтайских националистов» и с «мусульманской военной организацией «Гаскери Уешма».

О «Гаскери Уешма» мне ничего не известно, а о РОВОС и «алтайских националистах» хотелось бы немного рассказать.

Российский общевоинский союз, как известно, был создан Врангелем в 1924 году. Он объединял все воинские силы белой эмиграции, имел филиалы в ряде стран.

Честь «разоблачения» несуществующей подпольной организации РОВОС в Западной Сибири принадлежит, по всей видимости, начальнику краевого управления НКВД Миронову.

Началось так. Уже известный нам Серафим Попов, выполняя, очевидно, указания Миронова (а чьи же еще?), прибыл с небольшой оперативной группой в Нарым, закопал в нескольких местах оружие, затем арестовал жившего там в ссылке полковника Михайлова (которого в ходе следствия произвел в генералы), еще несколько человек, выбил у них «признания» в организации ими повстанческого отряда и создании тайников с оружием. Это оружие в присутствии понятых было изъято — и завертелась машина!..

В Сталинске (ныне Новокузнецк) штаб РОВОС «вскрыл» наш недобрый знакомый Голубчик. На роль руководителя там нашлась среди ссыльных весьма «колоритная» (словечко позаимствовано у чекистов) фигура — князь Долгорукий.

В Томске такой фигуры не оказалось, но тамошние чекисты нашли выход из положения. Они сформировали штаб РОВОС из... своих негласных агентов! Сказали им, что так надо для разоблачения замаскированных опасных врагов, пообещали хорошо вознаградить за оказанную услугу, но кончилась эта история для агентов плачевно: они были расстреляны вместе с теми, кого оговорили.

В Барнауле дело с РОВОС провернул опять же Серафим Попов, прибывший сюда в июле 1937 года с бригадой следовате-

лей, что была с ним в Нарыме. По его приказу в ночь с 19 на 20 июля было арестовано — без санкции прокурора — около 80 человек, в основном бывшие эсеры, кадеты, священнослужители, торговцы, словом, «социально-чуждый элемент».

По окончании арестов Попов, расположившись по-хозяйски в кабинете начальника горотдела, показал класс работы местным чекистам. Взяв список арестованных, он на большом листе бумаги в один присест составил ... схему организации РОВОС в Барнауле!

Некоторое затруднение у него вызвал лишь выбор «колоритной» фигуры на пост начальника штаба. Потом вспомнил, что недавно здесь был арестован и этапирован в Новосибирск бывший полковник Шереметьев Александр Иванович, служивший до революции корпусным интендантом, при Колчаке — в Главном интендантском управлении, в Красной Армии (с января 1920 по декабрь 1922 года) — тоже на интендантских должностях. Изгнанный отсюда, как бывший офицер, он поселился в Барнауле, работал счетоводом в пошивочной артели «Красный Октябрь»; в 1937 году ему исполнилось 65 лет, ни о какой политике он давно не помышлял.

Попов приказал затребовать его в Барнауле и твердой рукой вывел в первой строчке схемы: «генерал Шереметьев». (Производить полковников в генералы было его слабостью.) Затем сформировал штаб подпольной организации. Этой чести удостоились:

Бирюков Василий Яковлевич, бывший городской голова, старец 72-х лет, совершенно глухой;

Бекаревич Ефим Ефимович, преподаватель химии учительского института, бывший эсер;

Велижанин Андрей Петрович, врач туберкулезного диспансера и детской больницы; на Алтае он более известен как замечательный орнитолог и краевед, активный сотрудник Барнаульского музея, бесшумный, с 1913 по 1930 год, председатель Алтайского отдела Русского Географического общества. Но был за ним незамоленный перед органами НКВД грех: в 1905—1917 годах Велижанин состоял в партии кадетов;

Дагаев Митрофан Владимирович, 69 лет, служитель культа (в следственных документах назван епископом барнаульских церквей);

Шапошников Акиндин Иванович, преподаватель математики 42-й школы, до революции — активный сотрудник газеты «Жизнь Алтая», кандидат от партии эсеров в Учредительное собрание.

Остальных арестованных Попов расписал по отрядам, указав стрелками, кто кем завербован. Закончив свой труд, приказал следователям: «В разрез этой схемы и добиваться признаний у арестованных!»

Это не бред, читатель, не фантастика. Я просто пересказал показания осужденных позднее участников этой фальсификации, ничего от себя не добавляя.

В Бийске нашли сразу две «колоритные» фигуры из спецпоселенцев: графа Ланского и полковника Ефанова. (Ефанов

тоже был повышен в звании, стал генералом.)

Таким вот методом в одном только Бийском районе число членов РОВС было доведено до 1100 человек, а по Западно-Сибирскому краю — до 15 тысяч! Почти все они были расстреляны или оказались в лагерях...

К концу 1937 года, наверно, даже Сталину стало ясно, что раскрученный им маховик репрессий может в конечном счете парализовать всю жизнь в стране.

Остановить этот кровавый шабаш мог только он. Верный своей манере валить вину на других, Сталин и на сей раз сделал козлами отпущения послушного и усердного исполнителя своей воли Ежова и его подручных.

В начале 1939 года было арестовано почти все руководство управления НКВД по Алтайскому краю: начальник управления С. П. Попов, его помощник Г. Л. Биримбаум, начальники отделов П. Л. Перминов, Н. К. Лазарев, И. Я. Юркин, И. Я. Шутлилин, А. Т. Степанов, заместитель начальника следственной части Т. К. Салтымаков, начальник Бийского сектора НКВД В. И. Смольников, начальник Бийской тюрьмы А. А. Жилков, оперуполномоченные Г. С. Каменских и Т. У. Баранов. Возможно, список этот неполон.

Попов, Лазарев, Салтымаков, Каменских были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Палачи стали жертвами.

Поставили к стенке и С. Н. Миронова. (Судьба Голубчика неизвестна: в августе 1937 года он был переведен в отдел кадров НКВД.)

Еще раньше, в октябре 1937 года, был арестован и начальник Барнаульского отдела НКВД К. С. Жуков, но совсем по другой причине: он попытался помешать фальсификации с РОВС, словом, за мягкотелость. Вот выдержка из его показаний:

«...Я участия в допросах не принимал... Непосредственное наблюдение за следствием осуществлял Попов. Но мне, как начальнику горотдела, все же приходилось бывать на допросах отдельных арестованных. Я лично вызывал на допрос арестованного Шапошникова. По существу данных им уже показаний о принадлежности к РОВС Шапошников заявил, что участником указанной организации не был и что подписал протокол допроса после применения к нему пезаконых методов следствия. Я лично видел, что Шапошников на допросе стоял (выделено мною. — В. Г.).

Шапошников отказался от своих показаний в присутствии сотрудника горотдела Кузьмина. Но после следователь Толмачев сообщил, что снова допрашивал Шапошникова и тот опять признался в принадлежности к РОВС...

Я прошел в другие кабинеты, где также увидел, что арестованные на допросе стояли. Видя, что арестованных допрашивают по заранее составленной Поповым схеме и что к ним применяют «выстойку», я решил поговорить с Поповым. Сказал ему, что такой метод следствия является незаконным и приводит к фальсификации

дела; я предложил Попову пройти вместе со мною по кабинетам следователей. Помню, зашли мы в кабинет, где допрашивался Велижанин и увидели, что на столе у следователя лежит отпечатанный протокол допроса, еще не подписанный. Велижанин заявил нам, что следователь держит его на ногах уже в течение трех дней и требует подписать протокол допроса, который составлен не с его слов и содержит вымысел. В ответ Попов сказал: «Ничего, никуда не денешься, подпишешь».

И мы вышли из кабинета...

Еще в 1933 году, при первом аресте, в медицинском свидетельстве Велижанина говорилось: «Функциональное расстройство нервной системы в редкой форме. Туберкулез легких. Миостения сердца. Дистрофия правой кисти руки. Неврастения».

Вряд ли четыре года спустя здоровье 62-летнего старика улучшилось, и выстаивать по несколько суток ему было невозможно. От этой невинной на первый взгляд пытки распухают ноги, лопаются кровеносные сосуды, причина невыносимые боли. Можно ли обвинить Велижанина в том, что он в конце концов подписал протокол допроса?..

Вот и Третьяка, возможно, таким же способом вынудили признаться в связях с РОВС.

«С 1935 года, — читаем в его показаниях, — я блокировался с офицерской организацией РОВС. Указанный блок был заключен лично мною с генералом Ефановым... Действовали я и Ефанов по указанию японской разведки... Их организация строится по принципу воинского соединения, руководит им штаб, в состав которого входят генералы Михайлов, Шереметьев, князь Долгорукий, граф Ланской... Я информировал их, что мною на Алтае создана по такому же принципу повстанческая дивизия (в селе — взвод, в районе — сотня, полк)...

Допросил Третьяка Лазарев. Этим все сказано.

«БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИСТ» Г. И. ГУРКИН

Фальсификация «Блока алтайских националистов» (другое название — «Ойротский национальный блок») — одна из самых жестоких акций органов НКВД по отношению к алтайцам. Создается впечатление, что под предлогом борьбы со шпионами и вредителями они задалась целью истребить лучшие национальные кадры, и без того малочисленные, лучших представителей культуры, искусства, вообще всех наиболее образованных, самостоятельных, способных к инакомыслию и сопротивлению тоталитарному режиму.

Художник Г. И. Гуркин никогда не занимался политикой и, видимо, мало что в ней понимал, но в июне 1917 года, как наиболее уважаемый в Горном Алтае человек, был избран председателем Горной думы, а в феврале 1918 года возглавил Каракорум-Алтайскую окружную управу.

Его политическая деятельность еще не взвешена по-настоящему на весах истории. Споры нет, он ошибался, увлекался, но од-

но не вызывает сомнений: в политику Гуркин втянулся не из честолюбивых соображений, а из искреннего желания послужить верой и правдой своему народу, помочь ему выбраться из вековой темноты и нищеты.

К сожалению, в сложной и противоречивой обстановке тех лет Гуркин мало что успел сделать. Окопавшиеся в управе областного эсера, военспецы из царских офицеров-монархистов гуляли за спиной наивно-романтического председателя свою линию.

После белочешского контрреволюционного переворота Гуркин и возглавляемая им управа открыто встали на сторону Временного Сибирского правительства. Но пришел к власти Колчак, сторонник «единой и неделимой России», и Гуркин был арестован по обвинению в «насилуственном посятельстве на выделение Горного Алтая в самостоятельную Республику Ойрот».

Из бийской тюрьмы он был освобожден стараниями Г. Н. Потанина и других лиц, вступившихся за «лучшего сибирского художника».

В декабре 1919 года, когда Красная Армия уже вступила в пределы Алтая, талантливый художник, но неудавшийся политик Гуркин навьючил на лошадей свернутые в рулоны картины, кое-какой домашний скарб и двинулся горными тропами в Монголию; оттуда вскоре перебрался в Туву. Лишь осенью 1925 года он вновь увидел свой голубой Алтай...

Еще в бийской тюрьме Гуркин дал себе слово никогда больше не лезть в политику, а все оставшиеся годы посвятить любимому искусству. И слово свое сдержал. Правда, в период коллективизации, которая в Горном Алтае проводилась особенно варварскими методами, органы ОГПУ, следившие за каждым его шагом и словом, засекли, что бывший эмигрант «занимается в кругу близких к нему людей брюзжанием, высказыванием недовольства политикой Партии и Советской власти».

В 1934 году Гуркин в числе других «недовольных» был арестован. К счастью, суд «счел возможным» оправдать старого художника, однако предупредил, что при повторении антисоветских высказываний снисхождения не будет. Предупреждение было грозное.

В последние два-три года жизни Гуркин с какой-то странной даже всеядностью берется за любую работу. Словно чувствует близкий конец. Он преподает в художественной школе в Ойрот-Туре, много пишет, причем в тематике маститого пейзажиста появляются вовсе несвойственные ему темы: «Чемальская ГЭС». «Алтайские партизаны», «Колхозное собрание». «Ойротия на пути к заветам Ленина» (в подарок XVII партсъезду), портреты передовиков и т. п.; рисует плакаты «Да здравствует РККА!», «Социалистический кооператив», «Чистота — залог здоровья»; создает проекты памятников «На страже труда», «Всеобучу», выступает как иллюстратор в местной газете, не гнушается разработкой эскизов похвальных грамот и приглашительных билетов.

При желании это, конечно, можно объ-

яснить тем, что новая жизнь, пришедшая на дорожку его сердцу голубой Алтай, увлекла старого художника, захотелось и ему послужить народу своим искусством, внести, так сказать, вклад. Но не отпускает мысль, что подчеркнутая лояльность и безоговорочным послушанием он пытался отмести опасные обвинения в воспевании шаманского прошлого и недооценке успехов социалистического строительства, чтобы сохранить жизнь, некоторую свободу и работать, работать!..

Но для органов он был не известный всей стране художник, слава и гордость Алтая, а бывший антисоветчик, эмигрант.

12 июня 1937 года Гуркин был арестован. Арест произвел лейтенант госбезопасности из Ойрот-Туры Хуснутдинов, фигура зловещая даже по тем временам. Вот лишь один факт. В 1955 году, в ходе реабилитации, его спросили, сколько человек было арестовано лично им в годы массовых репрессий. Ответ был такой: «Точную цифру назвать не могу, но не менее пятисот».

О состоянии здоровья 67-летнего художника красноречиво говорит медицинское свидетельство, составленное тюремным врачом вскоре после ареста: «Головокружение. Слабость. Болят руки и ноги. Общий вид дряхлый. Старческая изношенность сердца: тоны глухие, границы расширены во всех размерах. Органы дыхания ослабленные. Правый глаз не видит, зрение на левый глаз ослаблено. Миокардит».

Убить из немощного старика «признательные» показания, видимо, не составило труда для мастеров заплочных дел из краевого управления НКВД. Следи по раскрытию «заговоров» дело свое знали туго.

Самое страшное, на мой взгляд, заключалось в том, что следователи, да и все сотрудники НКВД знали, что все эти заговоры — липа и никакой вины перед Советской властью у арестованных нет. Послушаем еще раз Хуснутдинова:

«Такая контрреволюционная организация (Третьяка. — В. Г.) в действительности не существовала, как не существовала и контрреволюционная националистическая организация (Гуркина. — В. Г.). Они были созданы в стенах управления НКВД Западно-Сибирского края.

Знаю, что у Лазарева была заранее составлена схема организации (Гуркина. — В. Г.), в которой было определено, кто является руководителем, кто его завербовал...»

Не вызывает сомнения, что такая же схема была и по делу Третьяка.

Пересказывать всю несуразицу, вписанную в протоколы допросов Гуркина, думаю, не стоит. Отмечу лишь, что он «признался» в связях с РОВС, мусульманской организацией «Гаскери Уешма», а также с «японо-военной организацией» Третьяка. «В конце 1932 или начале 1933 года по дороге из Новосибирска я заехал к Третьяку, и мы с ним обо всем договорились».

Третьяк подтвердил, что давно подерживал «связь с Гуркиным»; в конце 1932 или начале 1933 года тот действительно заезжал к нему в Бийск и они «беседовали полтора-два часа».

Допрос Гуркина провели Лазарев, Голубчик; Третьяка — Голубчик, Лазарев...

По делу «Блока алтайских националистов» было арестовано столько «колоритных» фигур, что чекисты, видимо, оказались в затруднении, кого же записать в первую строчку, то есть сделать руководителем «Блока». Сделали так: «Гуркин «признался», что руководили сообще: он, Никита Федорович Меджит-Иванов — первый председатель Ойротского облисполкома (1922 г.), позже — консул в Монголии, секретарь Ойротского обкома ВКП(б) Павел Степанович Хабаров, председатель облисполкома Сергей Сергеевич Софронов, заведующий отделом национальностей Западно-Сибирского крайисполкома Иван Савельевич Алагызов. (Все они были алтайцами по национальности.)

Гуркин не назвал почему-то лишь одного из шестерки, который вместе с ними проходил по делу «Блока алтайских националистов» и разделил их участь. Это Максимилиан Алексеевич Борисов-Кочубеев, телеут, бывший школьный учитель, перед арестом работавший в одном из райфинотделов Москвы.

4 октября 1937 года постановлением «тройки» управления НКВД по Западно-Сибирскому краю они все шестеро были приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 12 октября.

Два дня спустя та же участь постигла и старшего сына Гуркина — Гешадия...

«В ГРЕЗНУХИНСКОЕ НАКОВОДЕ...»

Я назвал лишь малую часть «подпольных контрреволюционных организаций», сфабрикованных органами НКВД. Чтобы читатель полнее представил размах страшной их «работы», приведу известные мне (возможно, не все) данные по одному только городу Барнаулу за один только 1937-й год.

В феврале здесь была разоблачена «троцкистская банда вредителей» на меланжевом комбинате во главе с директором комбината Гольдбергом Максимом Ефимовичем; в июне состоялся громкий процесс над «вредителями и саботажниками» с Алтметаллзавода во главе с директором Попковым Павлом Ивановичем; в июле разоблачен «заклятый враг народа», председатель горсовета Трелин Иван Федорович и вместе с ним — большая группа работников горисполкома; в августе та же участь постигла секретарей горкома ВКП(б) Копылова Михаила Михайловича и Семенихина Петра Романовича, заодно был основательно «почищен» и горком партии; в июле—августе прошли массовые аресты «социально-чуждого элемента», якобы объединившегося в «кадетско-монархическую организацию РОВС»; исчезли с барнаульских улиц китайцы, корейцы, поляки, «харбинцы» (так называли тех, кто вернулся с КВЖД после продажи ее государству Маньчжоу-Го; их всех зачислили в японские шпионы); в октябре волна арестов прокатилась по школам, техникумам, учительскому институту, в ноябре заварилось «дело врачей»... Словно чума прошла

по городу — таков был итог тридцать седьмого...

Мы привыкли всю вину за репрессию валить на Сталина и органы НКВД. Но что скрывать, у них было немало помощников среди населения. Вредителей и шпионов выискивали даже пионеры. Доносительство, то бишь революционная бдительность, было возведено в ранг гражданской доблести и вменялось в обязанность каждому. За уклонение (знал, но не донес) грозила суровая кара.

Целый ряд заявлений-доносов подшит и в уголовном деле Третьяка. Читать их мерзко, противно, однако читать надо, чтобы знать горькую правду не только об органах НКВД.

Вот мятый листок с безграмотнейшими каракулями:

«Грезнухинскому НАКОВОДЕ (НКВД.— В. Г.) от бывшего красного партизана Селезнева заевление...»

Бывший красный партизан, а в 1937-м — председатель колхоза «Искра социализма» села Шульгин Лог Грезнухинского (ныне Советского) района Селезнев писал (грамматические ошибки опускаю): «Я узнал, что бывший командир Горно-Алтайской дивизии Третьяк арестован и что я был в его дивизии и знаю, что он во время партизанского движения вел предательскую линию, а поэтому прошу меня вызвать и допросить».

На допросе в «Грезнухинском НАКОВОДЕ» Селезнев показал, что Третьяк выступал против слияния с Красной Армией, говорил: «Наслали нам комиссаров» и дал установку организовать партизанские колхозы, чтобы быть всем вместе». (На случай, надо понимать, восстания.— В. Г.)

Председатель сельсовета села Демино бывшей Куяганской волости П. Д. Белозерцев писал:

«Третьяк не был целиком предан Советской власти. Под селом Шебалино мы взяли в плен (просто арестовали очевидно: в плен берут в бою.— В. Г.) попа Коростелева. Третьяк затребовал его в штаб и оставил на работе там. Потом отправил его в Деминскую церковь. Когда я вернулся в Демино, арестовал его за контрреволюционную агитацию (какую?— В. Г.) и отправил в Куяган...»

Там несчастного попа, известное дело, хлопнули.

Только не в вину надо бы ставить Третьяку этот поступок, а в похвалу! Нашел он в себе мужество защитить от бессмысленной расправы невинного человека, тем более попа. В ту пору на это способен был не каждый.

А вот заявление председателя колхоза имени Демьяна Бедного Солонешенского района Г. С. Беляева:

«...Я глубоко поражен гнусным поступком предателей партизанского дела... Глубоко убежден, что Третьяк действительно агент японской разведки. Он и ему подобные изменники не найдут опоры среди партизан. Я прошу Верховный суд судить Третьяка и его сообщников, стереть их с лица земли, чтобы исповядно было другим гадам предавать страну фашистским захватчикам».

Вполне возможно, что подобные заявления, как «глас народа», были организованы с помощью начальников райотделений НКВД, получивших на то команду. Непроста, мне думается, среди заявителей-доносчиков в основном сельское начальство. С ними легче было договориться.

Но случались и осечки. В Бийске мне рассказывали об одном партизане, который 17 лет отбыл в лагерях за то, что отказался подтвердить антисоветскую деятельность Третьяка: «Я ничего об этом не знаю, а возводить напраслину на человека — великий грех!..»

Читал я заявления-доносы (здесь приведена лишь часть их), возмущался, негодовал, а потом, успокоившись и хорошенько подумав, к такой мысли пришел: может, не ругать этих людей надо, а пожалеть? И тех, кто под угрозой расправы доносы писал, и тех, кто делал это по доброй воле. Искалечили они свои души злом, жестокостью в многолетней борьбе со всякими врагами, вытравили лучшие человеческие качества, и осталось им только доносить, сажать, да расстреливать во имя туманного светлого будущего. Что им чужая жизнь человеческая? Они и своей-то не дорожили... Как их теперь судить? Они были детьми своего времени...

29 июля 1937 года постановлением «тройки» при управлении НКВД по Западно-Сибирскому краю все руководство «японо-военной организации» было приговорено к расстрелу. Назовем заново их имена:

Третьяк Иван Яковлевич;
Алексеев-Кулеш Антон Иванович;
Вязников Гавриил Ефимович;
Дудников Константин Георгиевич;
Зырянов Владимир Степанович;
Закамалдин Василий Алексеевич;
Лыжин Василий Максимович;
Лыжин Андрей Максимович;
Лихтарович Константин Андреевич;
Мунгалов-Мотин Василий Михайлович;
Петухов Константин Моисеевич;
Табанакوف Афанасий Андреевич.

Приговор был приведен в исполнение 7 августа, лишь Третьяк расстрелян почему-то позже — 20 августа, в 9 часов вечера...

Лишь 20 лет спустя, в 1957 году, все они были посмертно реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

ДВАЖДЫ УБИТЫЕ

Мне довелось некоторое время работать в Бийском краеведческом музее имени В. В. Бианки. Ветераны музея вспоми-

нали, что в тридцатые годы у них было богатейшее собрание материалов по истории партизанского движения в Горном Алтае: оружие, фотографии, документы, горы воспоминаний, знамена полков. В тридцать седьмом органы приказали все это уничтожить...

Как драгоценную реликвию, показали мне книжку И. Я. Третьяка о партизанском движении в Горном Алтае.

Невеселую историю об этой книжке рассказал мне в Барнауле Николай Александрович Камбалов, бывший сотрудник элешнего музея, где тридцать лет, с 1943 по 1973 год, заведовал отделом природы и одно время, по совместительству, библиотекой.

— Однажды приходит ко мне наш «куратор» из органов и передает приказ: все книги местных издательств, изданные до 1940 года, сжечь!.. Верите, своими руками перетаскал в кочегарку три тысячи томов!.. Пожалел лишь книжку Третьяка о партизанском движении, спрятал в свой стол, очень она мне понравилась. Но каким-то образом об этом узнал директор. Вызывает: «У тебя что, две головы на плечах?» — «Одна». — «Тогда книгу Третьяка сожги немедленно». Пришлось сжечь...

Еще в Бийске я узнал, что Третьяк не раз публиковался в журнале «Сибирские огни». Пошел в городскую библиотеку. Девушки не поленились, отыскали эти журналы в подвале, где хранилась старая периодика, принесли. Перелистал я один номер, другой — статьи Третьяка были аккуратно вырезаны бритвой. По чьему приказу, догадаться нетрудно.

В капитальном труде «Борьба за власть Советов на Алтае», изданном в Барнауле в 1957 году, Третьяк даже не упомянут.

Так поступили не только с ним. Их убивали дважды. Из нашей истории выдраны целые страницы, связанные с именами репрессированных. Теперь эти страницы мы собираем по крохам, по букровке.

Иногда приходится слышать, читать: «Сколько можно об одном и том же?» На это хотелось бы ответить: «А сколько, сколько нужно, чтобы восстановить доброе имя, добрые дела каждого из невинно погибших».

Остановиться на этом деле на полдороге — значит похоронить правду еще глубже. А ее надо вскрыть до конца, какой бы горькой она ни была, испить до дна, до последней капли эту чашу, чтобы в будущем никогда ничего подобного не допустить.

г. Барнаул,
ноябрь 1990 г.